

О. М. Ульянченко

СВОЕОБРАЗИЕ ТИПА АВТОРА КАК ГЕРОЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ М. ЗОЩЕНКО «ПЕРЕД ВОСХОДОМ СОЛНЦА»

Важность популяризации научных знаний, нравственного воспитания людей, изучения их природы – эти вопросы чрезвычайно волновали М. Зощенко. В 1933 году он поднял эту тему в повести «Возвращенная молодость». Однако решение данных вопросов в повести не устроило самого писателя, о чем свидетельствуют его собственные отзывы о книге. Волнующая его проблематика нашла свое продолжение в автобиографической повести «Перед восходом солнца», в которой автор, отказавшись от сатиры, предельно откровенно высказал свои взгляды. Оба произведения объединены интересом М. Зощенко к проблеме возможности саморегулирования и самоуправления, только в повести «Перед восходом солнца» речь идет не о физиологии, а об управлении психикой.

Повесть является попыткой решить проблему, беспокоящую как самого писателя, так и многих его читателей, как следует из писем, собранных в документальной книге «Письма к писателю», а именно, побороть неврастению, которой смолodu страдал М. Зощенко. Данная болезнь обострилась в 1926 году, когда болезнь приняла настолько острый характер, что писатель чуть не погиб от голода. Так как медицинская помощь не давала эффекта, М. Зощенко решил побороть недуг своей волей и интеллектом. Выводами, к которым он пришел в процессе выздоровления, и своими раздумьями он и делится со своими читателями в повести «Перед восходом солнца».

Герой М. Зощенко, предположив, что плохое самочувствие может быть вызвано психологическими причинами, делает попытку выявить и разорвать неправильные причинно-следственные связи, сложившиеся в сознании, а также разобраться в роли, которую играет подсознание. В своем анализе М. Зощенко опирается на достижения мировой философии, психологии, психиатрии и психотерапии, в частности, ссылается на работы и идеи Ф. Ницше, П. Дюбуа, И. П. Павлова.

Рабочим названием повести было «Ключи счастья» (название заимствовано у А. Вербицкой), которое автор перед публикацией меняет на «Перед восходом солнца» (заимствование у Г. Гауптмана или Ф. Ницше («Перед восходом солнца» – название одной из глав третьей части знаменитой книги «Так говорил Заратустра»)). Первая часть повести была напечатана в журнале «Октябрь» (№№ 6 – 7 и 8 – 9 за 1943 год) и была встречена резкой критикой. Окончание ее вышло в свет тридцать лет спустя («Звезда», 1972, № 3) под названием «Повесть о разуме». Б. Сарнов в своей исчерпывающей работе, посвященной концепции жизни и творчества М. Зощенко, «Пришествие капитана Лебядкина. Случай Зощенко» отметил, что «как и подобало

настоящему «русскому мальчику» он [Зощенко] собирался осчастливить этой книгой все человечество, подарить людям волшебные ключи, способные отпереть все запоры, отворить все двери, преграждающие им путь к счастью» [7, с. 365].

Замысел повести возник у М. Зощенко после публикации «Возвращенной молодости», а сама повесть представляет собой сплетение художественного творчества и научных знаний. Однако такого разделения на художественную и фактическую части, как было в «Возвращенной молодости», здесь нет, наука и творчество слились воедино. Сам автор подчеркивал, что эти две составляющие должны были находиться примерно в такой взаимосвязи, как пушка и ядро, особую функциональную нагрузку возлагая при этом именно на документально-фактическую составляющую.

М. Зощенко всегда подчеркивал важность осведомленности писателя в области психологии, физиологии и социологии: «Меня всегда поражало: художник, прежде чем рисовать человеческое тело, должен в обязательном порядке изучить анатомию. Только знание этой науки избавляло художника от ошибок в изображении. А писатель, в ведении которого больше чем человеческое тело – его психика, его сознание, – нечасто стремится к подобного рода знаниям. Я посчитал своей обязанностью кое-чему поучиться. И, поучившись, поделился этим с читателем» [6, с. 140].

Исследователь Б. Сарнов отмечает, что читателями и даже, к огромному неудовольствию писателя, его друзьями-писателями повесть воспринималась, прежде всего, как автобиографическая. Он считает, что, несмотря на то огромное значение, которое М. Зощенко придавал этой попытке осмыслить происшествия своей жизни и сформулировать рекомендации для людей сходного с ним типажа на основе знаний и достижений современной психиатрии, физиологии и психологии, автобиографические новеллы написаны настолько мастерски, что именно они играют в повести доминирующую роль.

Пытаясь обнаружить «неверные условные рефлексy» и разорвать «временные связи», писатель делится с читателями самым сокровенным, своими эмоциями и переживаниями, спровоцированными наиболее волнительными событиями его биографии. Свое исследование герой начинает с попытки вспомнить только лишь наиболее яркие моменты своей жизни, события, которые вызвали душевные потрясения, волнения. Необходимость проведения такого анализа была продиктована острым чувством недовольства своей жизнью, точнее ее качеством. Главного героя «Перед восходом солнца» мучает вопрос, почему он не может быть счастливым, почему жизнь ему представляется постылой и тягостной, иногда настолько ненавистной, что наводит на мысли о самоубийстве. Обратившись к истории и сопоставив информацию о своих современниках и писателях и музыкантах прошлых лет, герой приходит к неутешительному выводу о том, что очень многим выдающимся людям была свойственна хандра. Автор рискнул предположить, что «это страдание возникает от неустройства жизни, от социальных

огорчений, от мировых вопросов» [6, с. 310]. Обстоятельства его собственной жизни говорили в пользу такой теории. Воспоминания героя впечатляют: «я участвовал во многих боях, был ранен, отравлен газами. Испортил сердце. Я был: милиционером, счетоводом, сапожником, инструктором по птицеводству, телефонистом пограничной охраны, агентом уголовного розыска, секретарем суда, делопроизводителем. Полгода я провел на фронте в Красной Армии» [6, с. 306-307]. С другой стороны, отмечает автор, многие другие его современники тоже прошли через все радикальные изменения начала века что, тем не менее, не помешало им радоваться жизни.

Тогда писатель выдвинул другое предположение, что такой болезненный склад характера, излишняя чувствительность свойственны великим людям именно из-за их высокого ума. Однако история показала ему, что наряду со страдальцами, всегда существовали и другие великие люди, которые не испытывали никакой тоски. Все учащающиеся приступы паники и тоски в столь молодом возрасте (автору в то время было 27 лет) заставили героя всерьез задуматься над тем, была ли эта «слабость нервов» врожденной, или же она явилась следствием какого-то жизненного потрясения. Проведя параллели с животным миром, автор твердо решил, что человек не может рождаться для страдания, а значит, его хандра есть нечто сродни приобретенной привычки, болезни, которую можно вылечить, если найти причину ее возникновения. К Ф. Ницше восходит тема «перестройки человеческого характера», центральная в данной повести и тесно связанная с идеей «сверхчеловека». Для М. Зощенко «сверхчеловек» – это «такой человек, который имеет высшее состояние физического и умственного здоровья, человек, свободный в своих взглядах, воззрениях и поступках» [6, с. 360].

Полный решимости докопаться до первопричины, герой начинает перебирать свои воспоминания о самых важных моментах своей сознательной жизни. Таких событий набралось на 63 новеллы. Однако при тщательном их изучении автор не может обнаружить в них ничего, что могло бы стать причиной его болезни. Тогда М. Зощенко решает обратиться к детству, с которым связаны первые и самые глубокие впечатления: «Итак, я начал вспоминать самые яркие сцены из моего детства. Среди этих сцен, связанных с душевным волнением, я надеялся найти несчастное происшествие, надеялся найти причину и объяснение моей ужасной тоски» [6, с. 375]. Таким образом, писатель доходит до самых ранних, младенческих воспоминаний.

Изучение причин душевного нездоровья представлено с точки зрения «наивного обывателя» (термин предложен Х. Маклином) и самого автора, который использует собственный биографический материал, чтобы исследовать тему несчастья и излечения от него. Однако в этот раз в повести нет привычных для «Возвращенной молодости» и «Голубой книги» иронии и подшучивания. Наоборот, для нее становятся характерными слияние авторского голоса и голоса героя, формирование единого образа автора-нарратора, весьма близкого к образу настоящего автора.

Композиционно повесть построена на хронологических сдвигах. Автор свободно перемещается по своим воспоминаниям, переносясь из прошлого в настоящее, предаваясь размышлениям о будущем и снова возвращаясь в прошлое. Авторская исповедь предельно откровенна, М. Зощенко пытается найти самого себя, причину мучающих его ценностных конфликтов. Как отмечает И. Свириденко, «все это свидетельствует о непреодолимом желании М. Зощенко осмыслить психологические феномены своей жизни, найдя им соответствующее подтверждение в судьбах других людей» [8, с. 10].

Западная исследовательница творчества М. Зощенко Рейчел Мей отмечает, что при попытках разбить повесть «Перед восходом солнца» на составляющие и рассматривать их достоинства и недостатки по-отдельности, теряется более глубокое значение данного произведения: «После альтернативного, контекстуализированного прочтения, оказывается, что «Перед восходом солнца» рассказывает не о меланхолии и даже не о самопонимании, а о самосознании и репрессиях на многих уровнях: на личном, социальном, художественном и политическом» [3, с. 106].

Повесть «Перед восходом солнца» можно назвать кульминацией творческого и жизненного пути М. Зощенко. По уверению самого писателя, в ней он предпринял попытку найти причины своего несчастья и исцелиться. Автор утверждает, что эта попытка была успешной: «мой разум и мое тело стали свободными от множества препятствий и бед. И от страданий, которые я покорно сносил, полагая, что это так и должно быть» [6, с. 546]. Однако оптимистические строки звучат несколько натянуто, а порой и вовсе напоминают установки, используемые для самоубеждения: «Но разве от этих битв не пострадало мое ремесло художника? Разве победивший разум не изгнал вместе с врагами то, что мне было дорого, – искусство: Нет. Напротив. Моя рука стала тверже. И голос звонче. И песни веселей. Я не потерял мое искусство» [6, с. 547]. Такие утверждения об абсолютном самоисцелении, победе над страхом, возвращенном физическом и психическом здоровье повторяются практически на каждой странице и заставляют усомниться в правдивости автора.

Проблема творчества, гражданской позиции поэта (писателя), нравственной ответственности его за то, что происходит в стране, важности сохранения достоинства, чести в условиях диктатуры - эти вопросы чрезвычайно остро ставятся М. Зощенко в данной повести. Образ нищего, поэта Тинякова, сквозной нитью проходит через все произведение, подводя итог многолетним размышлениям писателя о литературе и о месте писателя. М. Зощенко, проследившая судьбу поэта Тинякова, дает ответ на вопрос, каким должно быть поведение художника в условиях тотального контроля государства. И ответ этот оказывается не в пользу многих его современников, которые не смогли противостоять системе, и таким образом тоже утратили человеческое достоинство, хоть и так не явно, как Тиняков. «Современники Тинякова, вырвавшиеся из ада Гражданской войны, хотели хорошо есть,

спокойно спать – об этом и написал Тиняков. Цинизм? Если и цинизм, то в философском, античном смысле. Цинизм Диогена, Антисфена, цинизм безумного короля Лира почетен, а не позорен. Впрочем, если человек не признается в том, что ему нужна «сладкая и вкусная пища», а пишет про то, что он – «сын трудового народа» или что-то в этом роде, – это тоже цинизм. Но намного хуже. Циничнее» [5, с. 205].

Сквозной темой повести проходит вопрос о цели и предназначении художника, роли искусства, и поэзии в частности, в духовной жизни общества. М. Зощенко дает эстетическую оценку своим современникам, а также размышляет о творчестве в целом, о назначении творческого, тонко чувствующего, мыслящего человека. Среди поэтов, чье творчество получило высокую оценку автора, названы Блок, Есенин, Ахматова, Брюсов. «Блок, как в фокусе, соединил в себе все чувства своего времени. Но он был гений. Он облагородил своим гением все, о чем он думал, писал» [6, с. 454]. Здесь с особой откровенностью раскрывается внутренний мир автора, который не может не осознавать своего столь тщательно им отрицаемого родства с тем же Блоком и Брюсовым. Как бы радостно не встречал М. Зощенко революцию и перемены, которые она принесла, он так и не смог стать органичной частью этого нового мира, мира, где царит провозглашаемый им хозяином жизни бывший «маленький человек», который сам себя возвысил и перевел в ранг «среднего человека». Автора «Перед восходом солнца» восхищает мужество Брюсова, который смог честно признаться, в первую очередь самому себе, в том, что он чужд постреволюционному обществу.

Автора «Перед восходом солнца» современное ему общество и отвратительные явления действительности не могут оставить равнодушным. Поэтому он столь категорично критикует стихи, отнесенные им к литературе своей молодости, а в целом, и саму позицию автора этих стихов, религиозного философа В. Соловьева: «Нет, неприятно читать эти стихи. Нестерпимо слушать эту убогую инфантильную музыку. Отвратительно видеть эту мишуру, эти жалкие манерные символы» [6, с. 454]. Столь эмоциональная реакция выдает мучительные раздумья М. Зощенко над жизненной философией В. Соловьева, которую он, в конечном счете, отвергнул как несостоятельную, поскольку слишком верил в важность земного опыта, действительности. Их подходы к жизни оказались слишком разными. По наблюдению М. Горелика, «Душа Соловьева, когда он поглощена созерцанием «звезд», слепа к «житейскому», слепа к «земному» – душа Зощенко к житейскому и земному очень даже зорка» [4, с. 165].

По чрезвычайно точному наблюдению Б. Сарнова, М. Зощенко, написав книгу «Перед восходом солнца», пришел к диаметрально противоположному, нежели планировал, результату. По мнению исследователя, «Книга представляет собой как бы два встречных потока. Один поток – это философия автора, подтверждением истинности которой должны служить различные эпизоды его жизни и анализ этих эпизодов. Другой поток – художественная

логика самих новелл, постоянно вступающих в кричащее противоречие с этой авторской философией, последовательно и неумолимо опровергающих ее» [7, с. 381].

«Тут – самый нерв разбираемой нами психологической коллизии, в основе которой лежит трагическая антиномия. Человек, искренне убежденный, что интеллигенты живут «по-выдуманному», а жить надо совсем иначе, – при первой же попытке отбросить прочь все это лишнее, «накрученное», терпит крах. Оказывается, что для него это – недостижимо. Другой, может, и смог бы. А он, не может. И в этой антиномии, в этой разорванности сознания и коренится причина его душевных страданий, не покидающей его постоянной тоски» [7, с. 381].

В повести «Перед восходом солнца» ярче, чем в других произведениях писателя, проявляется двуплановость повествования. Оно расслаивается на прямой текст и подтекст. Как на это указывали и другие ученые, в частности А. Жолковский, М. Горелик обращает внимание на то, что свои произведения в целом, и отдельные эпизоды повести автор адресует разным адресатам. «Во-первых, это послание для «всех», то есть для того массового «пролетарского» читателя, для которого он, собственно, и старался писать» [4, с. 164]. В эпизоде, где герой «Перед восходом солнца» вспоминает и цитирует поэзию, увлекавшую его в молодости, в качестве иллюстрации приводятся и подвергаются уничижительной оценке стихи двух поэтов – К. Бальмонта и В. Соловьева. Не делая различия между двумя принципиально разными поэтами, М. Зощенко критически отзывается обо всем пласте культуры, представителями которой он их считает. «Во-вторых, это послание для тех, кто прекрасно знает, что это за стихи, для тех, кто «фею» и «царицу» в состоянии отличить – для них послание это носит остро провоцирующий характер» [4, с. 164].

То, что автора, чье жизненные принципы мы косвенно узнаем из коротких, мастерски изображенных, красочных и глубоких, сценок из его прошлого, пронизанных тонкими эмоциональными переживаниями, и писателя, который пытается проанализировать их, используя рациональный подход, найти проблему и решить ее, разделяет огромная пропасть, отмечали и многие западные критики и исследователи (Л. Скэттон, К. Ливерс). По мнению Кита Ливерса, «трагедия Зощенко заключается в попытке осознать собственную историю, насильственно рассматривая ее через призму сталинской идеологии и мифа» [2, с. 129]. Как отмечает историк Джокен Гелльбек (Jochen Hellbeck), «старания многих советских граждан превратиться в примерных субъектов сталинизма подразумевали трагическую борьбу между такими противоположностями как «разум» / «тело» и «идеология» / «психология», где первые понятия неизменно получали доминирующее влияние на последние. Аналогично, М. Зощенко стремится найти спасение в процессе психофизиологической перековки, которая подчиняет проявления «тела» и «психологии» жестким рамками идеологии» [1, с. 189] (перевод мой).

По нашему мнению, результат написания повести, которая должна была принести мир и спокойствие, дать силы писать «твердой рукой», действительно оказался противоположным замыслу М. Зощенко. На протяжении всего сознательного творчества писатель убеждал себя, что после революции жизнь поменялась, на арену истории вышли новые люди, а соответственно, поменялись требования к литературе. Он пришел к выводу, что путь развития литературы является именно прогрессом, обновлением, а задача писателя заключается в служении народу как единственному читателю и критику. Он осознавал ограниченность и необразованность этого читателя, но решил воспринимать это как данность. И повесть «Перед восходом солнца» М. Зощенко писал, исходя из такого видения роли литературы в эволюции общества. «Зощенко прекрасно понимает, что мир людей, не воспринимающих поэзию, и в самом деле упрощен, схематичен, беден. Он знает даже, что этот мир как нельзя лучше приспособлен для низменных целей. Но с величайшим сожалением он вынужден признать, что этот мир, увы, не ложен. Наоборот! Похоже, что ложен как раз тот – прекрасный, сложный, многообразный. А этот, прозаический, бедный, убогий, жалкий и приспособленный для самых низменных целей – он-то как раз и есть тот единственно верный, истинный, доподлинный мир, в котором всем нам предстоит жить», – так провидчески характеризует мироощущение М. Зощенко Б. Сарнов.

Автор-герой «Перед восходом солнца» убеждает и себя, и читателей, что примирился с реальностью, осознал ее нужды и разрешил противоречия творчества, которое изначально всегда было ориентировано на другого потребителя, образованного, начитанного, владеющего достаточными фоновыми знаниями для понимания литературной игры, намеков и аллюзий. Однако в повести «Перед восходом солнца» автор потерпел поражение, поскольку его внутренний мир остался чужд тому собирательному типу человека эпохи, с которым он так долго пытался примириться и литературным запросам которого пытался соответствовать.

Литература

1. Hellbeck, Jocken. Revolution of my mind: Writing a diary under Stalin / Jocken Hellbeck. – Cambridge: Harvard University Press, 2006. – 447 pp.
2. Livers, Keith A. Constructing the Stalinist body: fictional representations of corporeality in the Stalinist 1930s / Keith A. Livers. – Lanham, Maryland: Lexington Books, 2004. – 267 pp.
3. May, Rachel. Superego as literary subtext: Story and structure in Mikhail Zoshchenko's Before Sunrise / Rachel May // Slavic Review/ - Volume 55, No. 1 (Spring 1996). – P. 106 – 124.
4. Горелик М. «У царицы моей есть высокий дворец» / М. Горелик // Новый мир. – 2006. - № 7. – С. 161 – 168.
5. Елисеев Н. Что не позволено ученому. Просто напоминание / Н. Елисеев // Новый мир. – 1998. - № 7. – С. 200 – 211.

6. Зощенко М. М. Собрание сочинений в 4-х т. – Том 4. / М. М. Зощенко. – М.: РИПОЛ классик; Престиж книга; Литература, 2005. – 560 с.
7. Сарнов Б. Пришествие капитана Лебядкина. (Случай Зощенко) / Б. Сарнов. – М., 1993. 204 с.
8. Свириденко И. А. Специфика авторского самопознания в прозе М. М. Зощенко («Возвращенная молодость», «Голубая книга», «Перед восходом солнца»): Дис. на получение научн. Звания канд. филол. наук: спец. 10.01.02 «русская литература» / И. А. Свириденко. – Симферополь, 2005. – 182 с.

Аннотация

Ульянченко О. «Своеобразие типа автора как героя в автобиографической повести М. Зощенко «Перед восходом солнца»

Статья посвящена проблеме типа автора как героя в повести М. Зощенко «Перед восходом солнца». В работе отмечается глубокий психологизм, предельную откровенность писателя в изображении образа автора. Особое внимание уделяется средствам создания образа героя повести и особенности трактовки данного образа западными литературоведами.

Ключевые слова: образ автора, герой, своеобразие.

Анотація

Улянченко О. «Своєрідність типу автора як героя в автобіографічній повісті «Перед сходом сонця»

Стаття присвячена проблемі типу автора як героя в повісті М. Зощенка «Перед сходом сонця». У роботі відмічається глибокий психологізм, гранична відвертість письменника у зображенні образу автора. Особлива увага приділяється засобам створення образу героя повісті та особливостям трактування цього образу західними літературознавцями.

Ключові слова: образ автора, герой, своєрідність.

Summary

Ulyanchenko O. Peculiarity of the author as a hero in M. Zoshchenko's autobiographic story Before the Sunrise

The article deals with the problem of the image of the author as a hero in M. Zoshchenko's Before the Sunrise. Deep psychologism and extreme frankness of the writer in depiction of the author's image are highlighted. The focus is made on the tools used to create the hero's image and on the peculiarities of this image interpretation by the western theorists of literature.

Key words: the author's image, a hero, peculiarity.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати доктором филологических наук, проф. Николенко Ольгой Николаевной.